

ские отношения могли достичь высокой степени развития; еще более сомнительно, чтобы эти отношения могли уже тогда придти в упадок¹. Нельзя считать вполне доказанным утверждение о том, что одним из основных занятий жителей древних городов, открытых в долине Инда, была торговля (стр. 18); этому противоречит хотя бы то, что древнейшие монеты, найденные в Индии, относятся к периоду, отделенному от культуры Хараппы более чем 1000 лет. Акад. В. В. Струве считает причиной исчезновения культуры Хараппы разрушение городов-государств кочевыми племенами, повидимому, теми же «ариями». Такое заключение не вытекает из материалов археологических раскопок и также может быть принято пока только в качестве гипотезы.

В целом книга Э. Маккея вместе с предисловием акад. В. В. Струве существенно обогащает наши знания о древнейшем периоде в истории Индии и представляет большой интерес для советских читателей.

Г. Ф. Ильин

呂振羽。中國民族簡史 ЛЮЙ ЧЖЭНЬ-ЮЙ, *Краткая история национальностей Китая* (на китайском языке), Пекин, Изд-во Саньляньшудянь, 1951, 218 + 22 стр.

Вопросы этногенеза, развития общности людей от рода к племени, от племени к народности и от народности к нации привлекают все более пристальное внимание советских историков. В последнее время проблемы происхождения наций были подняты и в связи с проблемами древней истории². Книга китайского историка Люй Чжэнь-юя, освещающая эти вопросы на китайском материале, представляет в этом отношении большой интерес.

В рецензируемой книге вкратце излагаются происхождение и история китайского, маньчжурского, монгольского и тибетского народов, хой (китайских мусульман, живущих в провинциях Ганьсу и Нинся), а также небольших народностей, населяющих отдельные районы Китая: тангутов, лоло, мяо и т. д. Книга состоит из девяти глав. Первая глава, в которой автор останавливается на общих методологических и политических проблемах истории национальностей, носит название «Постановка вопроса». 2-я глава озаглавлена «Происхождение китайской национальности» (стр. 6—14); 3—7-я главы соответственно посвящены истории китайской (стр. 15—49), маньчжурской (стр. 50—72), монгольской национальностей (стр. 73—99), хой (стр. 100—127) и тибетцев (стр. 128—141). В 8-й главе изучаются тангутская, лоло, мяо и другие (стр. 142—212) народности, 9-я глава представляет собой «Заключение». В настоящей рецензии речь будет идти лишь о тех частях книги, в которых трактуются вопросы древней истории народов, населяющих Китай.

В главе, посвященной происхождению китайского народа, автор выдвигает тезис о том, что китайский народ в основном произошел от смешения двух рас — монголоидной и малайской. В доказательство принадлежности предков китайцев к монголоидной расе приводятся следующие соображения. Во-первых, лицевые кости пекинского обезьяно-человека (синантропа) и неолитического человека, кости которого найдены в провинциях Ляонин, Ганьсу и в селе Яншао (Хэнань), обладают теми же особенно-

¹ См. на 21 стр.: «Если в поздних слоях Мохенджо-Даро нет прежней великолепной кирпичной кладки (стр. 41), то это, очевидно, обусловлено тем, что тогда древнее общество долины Инда уже пребывало в состоянии упадка и количество рабов в нем значительно уменьшилось».

² См. статью акад. В. В. Струве, Проблемы происхождения наций и вопросы древней истории, ВДИ, 1951, № 2.

стями, характерными для монголоидной расы, которые наблюдаются на липевых костях некоторой части нынешних жителей Северного Китая. Во-вторых, доказано, что палеолитические орудия, находимые в Северном Китае, например в Чжоукоутяне, около Пекина, принадлежали человеку монголоидной расы. Это же можно сказать и про палеолитические остатки в Шуйдунгоу (Нинся), в Цинян (Ганьсу) и в провинции Суйюань. С другой стороны, автор считает доказанным, что неолитические остатки, находимые в провинциях Ганьсу, Шэньси, Нинся и в северо-западной части Хэнани (так называемая «яншаоская культура»), являются остатками племен ся. Точно так же можно считать доказанным, по мнению автора, что неолитические остатки, находимые в южной Маньчжурии, Шаньдуне, Хэнани, юго-восточной части Шаньси и в северо-восточной части Аньхой (так называемая «луншаньская культура»), являются остатками племени ша н. Все эти археологические материалы дают возможность установить, что обе эти культуры являются дальнейшим развитием палеолитической культуры Чжоукоутянь-Шуйдунгоу. Из обоих этих племен (ся и шан) в дальнейшем развилась китайская народность. Таким образом, автор рисует линия последовательного развития от палеолитического человека монголоидной расы, остатки культуры которого найдены в Чжоукоутянь, через яншаоскую и луншаньскую культуры к современным китайцам.

Говоря о малайском происхождении южных китайцев, автор приводит три соображения, говорящие в пользу этого тезиса. Во-первых, согласно письменным источникам, племена, первоначально обитавшие в Чжэцзяне, Фуцзяни, Гуанси и Гуандуне (я н о у, д у н о у, б о ю э и т. д.), впоследствии «пивилизировались и остригли волосы». Автор заключает отсюда, что среди предков жителей южного и восточного Китая было много выходцев из этих племен. Ныне проживающие в восточном и южном Китае и являющиеся их потомками племена ю й (Чжэцзян, Фуцзянь), т у ф а н ь (Тайвань), л и (Хайнань), как показали исследования, очень близки, как по особенностям физического типа, так и по своим обычаям, к малайским народам южных морей. Эти же черты наблюдаются у многих китайцев, происходящих из Фуцзяни, Гуанси и Гуандуна. Во-вторых, найденные в Умни (Гуанси) палеолитические остатки, вероятно, являются остатками культуры человека малайской расы. Ему же, повидимому, принадлежали и палеолитические орудия, найденные в Гуйчжоу. В-третьих, очень близко к малайцам по особенностям физического типа, обычаям и нравов стоит народность м я о. Эти же особенности наблюдаются у китайцев, проживающих в южном и юго-западном Китае, а также у многих уроженцев Хунани, Хубэя, Сычуани. Можно утверждать, что нынешние жители юго-западного Китая прошли длительный путь смешения с м я о и другими малайскими племенами и народностями.

В начале 3-й главы автор высказывает предположение, что племя шан в период раннего неолита переселилось в Шаньдун из Монголии. В это же время племя ся, повидимому, жило в районах нынешних провинций Ганьсу и Шэньси. «Исследования луншаньских и яншаоских археологических материалов дают право утверждать, что племя шан передвигалось из Шаньдунского полуострова по течению Хуанхэ на запад, а племя ся — с запада на восток. Одержав победу над обитателями Шаньсийских гор ю м я о, племя ся столкнулось на границе Шаньси, Хэнани и Хэбэя с племенем шан» (стр. 17). Племя шан, производительные силы которого были более высоко развиты, одержало победу.

Автор утверждает, что после «революции Чэн Тана» (1766 г. до н. э.)¹ возникло рабовладельческое государство. Этому государству были подчинены племя ся и ряд других племен. В долгой борьбе против господства рабовладельцев из племени шан и в процессе культурного сближения происходило смешение народов. В конце XII в.

¹ Современное слово гэмин («революция») взято из древнекитайского языка. У древнекитайских конфуцианцев это слово обозначало смену старой династии новой. Заклячая этот термин в кавычки, автор, повидимому, хочет показать, что не считает эти древние «революции» революциями в современном смысле слова.

до н. э., после победы «революции У Вана», по словам автора, было свергнуто господство рабовладения и установлено феодальное государство. К этому времени в результате долгого процесса борьбы и слияния народов шан и ся образовался народ хуа или хуа с я.

Люй Чжэнь-юй пишет, что народ хуа вел непрерывную борьбу с рядом племен, стоявших на более низкой ступени развития. «Но так как в области экономического и политического строя, военного дела, культуры и численности населения они никак не могли сравниться с народностью хуа, то общее соотношение сил складывалось не в их пользу. Их либо отгеснили на прежние места, либо они были постепенно ассимилированы народностью хуа» (стр. 19). Ко времени объединения Китая Цинь Ши-хуанди в бассейне Хуанхэ их уже не было. Начиная с Ранней Ханьской династии китайская народность стала называться ханьской народностью.

Объединение Китая Цинь Ши-хуанди автор объясняет стремлением крупного кучества к беспрепятственной торговле на территории всей страны. С этого времени китайский господствующий класс начинает прибегать к политике «руками и покорять и». Такая политика привела к новому большому смещению народов. Другим последствием этой политики автор считает установившееся в Северном Китае и продолжавшееся столетиями тяжелое и мрачное чужеземное господство.

Автор отмечает, что гунны, сяньби, ди, пян, использовавшиеся для «защиты чужими племенами внутренних наделов», постепенно изучали китайскую производственную и военную технику, приобретали культурные навыки, а многие из них даже усваивали китайский язык. В периоды Троепарствия, Вэй и Цзинь эти племена иногда совместно с крестьянами и рабами выступали против китайских помещиков. Однако впоследствии они перешли на службу к китайским феодалам. Получив от них оружие и другие материалы, они, в конце концов, обратили все это против китайских помещиков и установили собственное господство.

Люй Чжэнь-юй пишет: «Занявшие в Северном Китае господствующее положение иноземные народы при помощи военной силы удерживали в руках власть. Однако численность их была небольшой, производство и культура сравнительно отсталыми. В общем их силы были намного меньше сил китайского народа. Что же касается Южного Китая, то хотя обладавшие там властью китайские помещики и не могли сыграть решающей роли, но нельзя забывать, что они пользовались известным влиянием. Поэтому в общем и целом у китайского народа было огромное превосходство сил над северянами» (стр. 21). При создавшемся положении, когда на юге удержалась власть китайских помещиков, а на севере китайцы вели непрерывную борьбу против иноземного господства, основной жизненной потребностью господствовавших в Северном Китае народов было поскорее перенять китайский образ жизни, язык и культуру. Одновременно, чтобы идеологически обезоружить китайцев и смягчить их враждебность, представители господствовавших народностей утверждали, что они произошли от китайцев. Так, гунны уверяли, что они являются потомками императрицы ся и всячески поощряли смешанные браки и перемену фамилий на китайские. В V в. н. э. в государстве Северное Вэй сяньбийцами тоба был издан указ о «запрещении чиновникам одеваться в одежду северных племен и говорить на их языке» (стр. 22). Осуществлявшаяся ассимиляция приводила к тому, что китайцев часто нельзя было отличить от чужеземцев. На юге Китая также происходил процесс смешения племен и народностей, так как туда бежало огромное число китайцев с севера.

Люй Чжэнь-юй сообщает ряд сведений о происхождении и первоначальном развитии хой, тибетцев, монголов и маньчжур. При этом он привлекает не только китайские письменные источники, но и легенды и сказания этих народов. Интерпретируя эти сказания, автор находит в них ценный материал, говорящий о доисторическом периоде развития этих народов.

В 4-й главе автор говорит о двух народах, бывших предками маньчжур: с я н ь б и и ц и д а н ь. Слово с я н ь б и он считает испорченным словом с и б о 西伯 (начальные слоги китайского названия Сибири «Сиболия» 西伯利亞). Это название,

по его мнению, показывает, что сяньби произошли из юго-восточной Сибири. Уже в XI в. до н. э. одно из сяньбийских племен — сушэни — вступило в соприкосновение с предками китайцев — народом хуа. Автор высказывает предположение, что неолитические остатки, находимые в северной Маньчжурии, принадлежат культуре сушэней. Он подробно перечисляет все маньчжурские племена, известные китайцам в первые века нашей эры, и замечает, что в VI—VII вв. н. э. все эти племена получили у китайцев название м о х о. Говоря о втором племени, из которого в дальнейшем произошли маньчжуры, о пидань, Люй Чжэнь-юй отмечает, что рабовладельческий способ производства у них развился еще до того, как они напали на Китай (X в. н. э.).

В 5-й главе после детального разбора и критики различных теорий о происхождении монголов автор останавливается на анализе монгольских преданий. Он пишет, что предки монголов, по сведениям «Сокровенного сказания», жили у реки Онон. Этот же источник выводит название монгольского народа от слова Мынгуэр (имя жены легендарного прародителя монголов). По мнению автора, эта легенда говорит о периоде матриархата, пережитом монголами. Люй-Чжэнь-юй приводит сведения о появлении у монголов рабов, находившихся в общем владении племени, о выделении военной дружины, которая постепенно оторвалась от производства и сосредоточила свою деятельность на грабеже соседних племен.

В 6-й главе автор пишет, что предками хой были племена л я н и п я н, обитавшие в эпоху Шан-Инь в районе Ганьсу-Нинся. Какая-то часть этих племен участвовала в событиях конца XII в. до н. э. (так называемая «революция У Вана»). В эпоху Хань эти племена, получившие тогда у китайцев название ш и п я н (автор отождествляет их с усунями), занимались кочевым скотоводством. Как сообщает Хоу Ханьшу, у них «мужчины и женщины носили фамилию матери». «Это значит, — отмечает автор, — что они находились еще на этапе матриархата» (стр. 103). Однако длительная и довольно интенсивная связь с китайцами привела к тому, что к ним проникла китайская культура и производственная техника. В период Северных и Южных династий (IV—VI вв. н. э.) китайцы начинают называть эти племена «тузюэ», что близко к слову «тюрки».

В 7-й главе, говоря о тибетцах, автор замечает, что по своему физическому типу они близки к малайцам. Он ссылается на тибетские сказания, согласно которым на территории Тибета в далекой древности было море, а предком тибетцев была жившая на морском дне священная морская собака. Автор заключает отсюда, что в период тотемизма тотемом тибетцев была морская собака, а сами они жили на берегу моря. Повидимому, в далекой древности они представляли собой одну из ветвей малайской расы, а позже были отгеснены в Тибет. «Согласно китайским письменным источникам, в период Северных и Южных династий у тибетцев еще не было разницы между богатыми и бедными, т. е. у них господствовал первобытно-общинный строй. Они занимались главным образом пастбищным скотоводством, но, кроме того, и бродячей охотой. Однако среди них уже выделилась военная организация одного из племен, грабившая соседние племена» (стр. 129). Образование тибетского государства Люй Чжэнь-юй относит ко времени деятельности Сронцзангамбо (VII в. н. э.).

Так, в общих чертах, освещает Люй Чжэнь-юй проблемы древней истории народов, населяющих Китай. Большой заслугой автора является постановка вопроса о том, что историю Китая нужно рассматривать как историю не только китайского народа, но всех народов, населяющих Китай. Выяснение особенностей исторического развития народов Китая рассматривается автором в свете задач, стоящих перед Китайской коммунистической партией в национальной области. Автор пишет в предисловии: «Задача каждого коммуниста — помогать и содействовать этим народам в деле повышения их экономического и культурного уровня с тем, чтобы, преодолев исторически сложившуюся отсталость, они достигли наивысшего экономического процветания» («Предисловие», стр. 18).

Представляя собой заслуживающий внимания опыт марксистского освещения проблем истории народов Китая, труд Люй Чжэнь-юя, однако, не свободен от некоторых недостатков и ошибок. Процессы образования и первоначального раз-

вития народов Китая трактуется автором слишком узко. Отвечая на вопрос о том, из каких элементов создался тот или иной народ, какие племена и народности участвовали в его создании, он оставляет в стороне важнейший вопрос о постепенном развитии общности людей от рода к племени, от племени к народности и от народности к нации.

Процесс развития общности людей тесно связан с социально-экономической историей. Развитие производительных сил и сопутствующее ему общественное разделение труда вело к установлению все более глубоких экономических связей между этническими группами, к слиянию племен и к зарождению народностей. Без изучения социально-экономической истории данного народа нельзя проследить историю его формирования. И. В. Сталин указывал, что «нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи поднимающегося капитализма»¹. Отсюда следует методологическое требование рассматривать развитие племен, народностей и наций не как самодовлеющее целое, а в связи с социально-экономическим развитием. Между тем, Люй Чжэнь-юй, рассматривая древнюю историю Китая, абстрагируется от социально-экономической обстановки. Лишенное социально-экономической основы освещение процесса формирования и развития народов повисает в воздухе. Вместо того, чтобы ограничиваться выяснением, как это делает автор, к какой антропологической группе принадлежали предки того или иного народа, нужно было показать социально-экономические предпосылки и процесс развития общности людей.

Не поставив перед собой вопроса об этапах развития общности людей, автор ограничился крайне немногочисленными терминами, не приспособленными для того, чтобы отразить качественное различие между народами, стоящими на далеких друг от друга ступенях развития. Для обозначения кочевого племени автор пользуется словом «було» 部落. Во всех остальных случаях он пользуется словом «пзу» 族, которое может означать и род, и племя, и народность, и национальность².

Нам кажется также недостаточно обоснованной картина древнейшего периода формирования китайского народа, нарисованная автором. Археологи считают, что луншаньская культура хронологически предшествовала эпохе Шан-Инь³. Автор же утверждает, что луншаньская культура принадлежала племени шан. При этом он причисляет культуру эпохи Шан-Инь к неолитическим, хотя в это время уже появилась бронза.

Автор не попытался проследить тех элементов языкового, территориального, экономического и культурного единства, которые имелись в древнекитайском обществе. А между тем, это было бы благодарной задачей. Уже в период Чунь-цю (722—481 гг. до н. э.) сложились элементы известной культурной общности на части территории Китая. Многие указания источников говорят о том, что жители государств, расположенных в бассейне среднего и нижнего течения Хуанхэ, осознавали свое культурное единство. Племена, окружавшие их, они считали «варварскими». В эти же государства было принято одинаковое написание иероглифов, от которого сильно отличалась манера писать иероглифы в южном государстве Чу⁴. Особенно большой сдвиг в создании некоторых элементов единства древнекитайского общества произошел в конце III в. до н. э., когда Цинь Ши-хуанди впервые политически объединил страну. Значение времени Цинь Ши-хуанди для складывания китайской народности автор недооценивает. Между тем, как политическое объединение Китая, так и реформы,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.

² См. Инокентий, Китайско-русский словарь, Пекин, 1909, т. 2, стр. 365; Палладий и Попов, Китайско-русский словарь, Пекин, 1888, т. 2, стр. 215; Колоколов, Краткий китайско-русский словарь, М., 1935, стр. 387.

³ С. А. Семенов, Древнейший период в истории Китая (К итогам археологических исследований в Северном Китае за последние два десятилетия), ВДИ, 1949, № 4, стр. 221.

⁴ Creel, Studies in Early Chinese Culture, L., 1938, стр. 117—119.

направленные к экономическому объединению страны (унификация мер, введение единой монетарной системы и т. д.), имеют в истории образования китайской народности значение большого сдвига.

Мы не можем согласиться с оценкой важнейшей даты, приводимой автором — конец XII в. до н. э. — как эпохи свержения рабовладельческого государства и возникновения феодального строя. Источники говорят, что сложившееся в Китае во второй половине II тысячелетия до н. э. государство было рабовладельческим с сильными пережитками первобытно-общинных отношений. Создание единого государства, наряду с реформами в области землевладения, военного дела, финансов и управления, нанесло серьезный удар этим пережиткам. При Ранней Ханьской династии рабовладение, повидимому, достигло своего апогея. В городах во II—I вв. до н. э. существовали рынки рабов, компании, занимавшиеся работоторговлей, получали гигантские доходы. Каналы, дворцы, храмы, гробницы строились руками рабов. Все эти факты не укладываются в схему автора, считающего, что уже в конце XII в. до н. э. Китай вступил в эпоху феодализма.

Таковы, на наш взгляд, недочеты в освещении Люй Чжэнь-юем проблем древней истории народов Китая. Книга Люй Чжэнь-юя ставит интересные вопросы, решить которые можно будет при коллективной работе историков, лингвистов, этнографов и археологов. Большое значение имеет сама постановка этих вопросов. Работа Люй Чжэнь-юя свидетельствует о том, что историки Китайской народной республики стремятся дать марксистское освещение древней истории народов Китая.

В. А. Рубин

G. THOMSON, Aeschylus and Athens, A study in the social origins of drama, London, 1950, стр. XII + 478.

Если в настоящее время можно считать в общем выясненными главные моменты социально-экономического развития древнего мира, то все же многие основные вопросы истории античных обществ остаются еще неразрешенными. В истории производства, в вопросах о применении рабского труда и его формах, о характере и судьбах античного крестьянства, о формах классовой борьбы и пр. остается много неясного. В иностранной литературе по экономической истории древности можно найти сводку фактических данных о развитии торговли, ремесла, техники, сельского хозяйства и пр., но эти данные освещаются обычно с модернизаторской точки зрения, более крайней или более умеренной. Процесс экономического развития в этой литературе рассматривается с точки зрения экономики буржуазного общества, не учитывается своеобразие соответствующих явлений, не делается попытки привести их в связь с рабовладельческим характером античных обществ, значение которого притом часто отрицают. Между тем нельзя не поставить вопроса о том, насколько применимы к древности те понятия, которыми пользуются при характеристике классовой структуры буржуазного общества. Мало можно назвать работ, в которых изучались бы вопросы о рента, о видах труда, о значении вложения средств в землю, о функциях денег, о воздействии налогового аппарата на ход развития социальных отношений в древности и пр.

Однако односторонне было бы ограничивать рамки исследования исключительно социально-экономическими отношениями. Те или иные условия политической жизни и формы идеологии связаны с определенной исторической обстановкой, характеризуют общество, в котором они возникают, проливают свет на ход социально-экономического развития. В частности, предания, связанные с представлением о золотом веке, легенды, возникшие в связи с культами, социальные утопии, политические проекты, художественное творчество и пр. дают богатый материал по истории общества. При